

«СЛУГА» СМЕРДЯКОВ

Первое упоминание фамилии Смердяков в романе «Братья Карамазовы» встречается в раздраженном извинении Дмитрия, опоздавшего на «семейную сходку», назначенную у старца Зосимы: «Простите великодушно за то, что заставил столько ждать <...> слуга Смердяков, посланный батюшкою, на настойчивый мой вопрос о времени, ответил мне два раза самым решительным тоном, что назначено в час» (XIV, 63)¹. Примечательно, что неразрывность употребления фамилии Смердяков со статусным определением «слуга» и высказывается устами брата Дмитрия, и обозначается действиями отца, пославшего с поручением «слугу» к своему старшему сыну.

Далее, при описании дома Федора Павловича, а также проживающих в нем «и господ, и слуг», словосочетание «слуга Смердяков» употреблено вновь, а в истории о Лизавете Смердящей², рассказывается, что рожденного Лизаветой ребенка назвали Павлом, по отчеству «без указа, стали звать Федоровичем», и что «вот этот-то Смердяков и вышел вторым слугой Федора Павловича» (XIV, 93).

Наряду со словом «слуга» соседствует с этой фамилией и еще одно, близкое по значению, определение – «лакей». Впервые его произносит все тот же Дмитрий в своей «Исповеди горячего сердца. "Вверх пятами"» (XIV, 111). И далее в тексте романа слова «слуга» и «лакей» рядом с фамилией Смердяков употребляются попеременно. Правда, надо оговориться, что в главах, в которых описываются три свидания с ним Ивана Карамазова, для обозначения героя употребляется лишь одна его фамилия – «Смердяков», и более того: о Смердякове, который, чем дальше, тем больше, ведет себя с молодым барином уже совсем не как прислуга, и даже проявляет

по отношению к Ивану явное высокомерие и презрение, уже говорится, что он – «бывший его лакей» (XV, 59).

Тем не менее, обстоятельство, при котором притязаемое, но недостижимое для него положение родового дворянина с видами на немалое наследство диссонирует с его реальным, закрепленным в сознании всех окружающих статусом слуги (а об этом как раз и свидетельствует преимущественное обозначение героя в тексте романа – «слуга/лакей Смердяков»), способствует проявлению одного из звеньев сопоставимого с «подпольным» мотива, выраженного в его сознании и поведении. Об этом диссонансе Смердяков открыто говорит в разговоре со льстящейся к его внешнему лоску, неподатливости и отпускаемому им для нее и ее матери супу³ собеседницей, Марьей Кондратьевной. В ответ на высказанный ему комплимент о его выдающемся уме и способностях Смердяков акцентирует на том, что он бы «не то еще мог-с» и «не то еще знал-с, если бы не жребий <...> с самого <...> сыздетства» (XIV, 204), и высказывает готовность убить на дуэли из пистолета того, который бы произнес, что он «подлец, потому что без отца от Смердящей произошел» (XIV, 204), осуществляя, таким образом, бунт против самого своего рождения. Мечтая о «короне»⁴, Смердяков в то же время остро осознает, что тягаться с ним, со слугой, на дуэли, в отличие от презираемого им Дмитрия, который хоть и «хуже всякого лакея и поведением, и умом, и нищетой своею-с», но «от всех почтен» (XIV, 205), никто не пойдет; единственный выход – «при счастье <...> в Москве открыть кафе-ресторан на Петровке», «была бы в кармане <...> такая сумма» (XIV, 205).

Следует, однако, отметить, что даже не будь этого кричащего фактического противоречия между человекобожескими притязаниями Смердякова и его унижительным положением слуги⁵, в его образе несомненно заключается одно неоспоримое, врожденное «подпольное» качество: подобно Ивану Карамазову, он является «отрицателем», изначально не принимающим Божий мир, еще в детстве «насмешливо» и высокомерно вопрошавшим пытавшегося учить его священной истории Григория, «откуда же свет-то сиял

в первый день», если Бог создал «солнце, луну и звезды» – только «на четвертый день», и хоронившем «с церемонией» (XIV, 114) собственноручно повешенных кошек. В качестве «отрицателя» и человекобога он способен спорить с самим Иваном; в сцене третьего и последнего их свидания он выглядит явно сильнее Ивана, высказывая ему великодушное презрение по праву того, кто на практике сумел исполнить Иваново же учение о том, что «все позволено». Усвоив Иваново «руководство», что «коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надо ее тогда вовсе» (XV, 67), Смердяков выступает хитрым организатором и хладнокровным, безжалостным исполнителем убийства своего барина – организатором и исполнителем, у которого «заранее все обдуманно было» (XV, 66). Иван, будучи немало удивлен уму и изворотливости Смердякова («ты не глуп, ты гораздо умней, чем я думал...» (XV, 66)), с изумлением узнает о том, насколько тонко тот осуществлял подготовку условий для совершения вероятного убийства, заранее просчитывая все ходы. Как оказалось, Смердяков практически манипулировал и Дмитрием, и Федором Павловичем, и даже самим Иваном, «подговаривая» его ехать в Чермашню. На их «последнем свидании» Смердяков, поражаясь искреннему неведению Ивана относительно истинного убийцы, изъявляет желание «в глаза доказать» ему, что именно Иван и есть «главный убивец во всем здесь единый», а сам он – «самый не главный», хотя он и «убил» (XV, 63).

Таким образом, «бывший лакей» на практике осуществляет программу становления человекобожества, ясно обозначенную чертом⁶ в кошмаре Ивана: «человечество отречется поголовно от Бога», «падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность», «Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог», «Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно, как Бог» (XV, 83). То, что Смердяков «истребляет свою жизнь своею собственною волей и охотой» (XV, 85) «гордо и спокойно, как Бог» (XV, 83), позволяет проводить сопоставление его самоубийства с

идейным самоубийством Кириллова, который убивает себя «безо всякой причины, а только для своеволия» (X, 470), чтобы показать «непокорность и новую страшную свободу» (X, 472) свою. Одинаковость смерти «как бы уравнивает Ставрогина и Смердякова»⁷, их одинаковый трагический итог отражает испытываемое ими обоими «"бытие в смерти"»⁸, являющееся неизбывным спутником человекобожества. Смердякова, как и Раскольников, «награбленное не интересует», ему только нужно было «убедиться, что он может "преступить"»; его самоубийство – «последний акт демонического своеволия»⁹. Как бы то ни было, причиной самоубийства Смердякова послужила его «подпольная» страсть к человекобожеству, составляющая звено «подпольного» алгоритма.

Проявление этой страсти, отражение ее динамики отчетливо прослеживается в описании трех свиданий (по сути – "подпольных" сцен) Ивана со Смердяковым. На первом свидании она еще прикрыта робостью (при появлении Ивана Смердяков пусть на мгновение, но «как будто даже сробел» (XV, 43)), «чрезвычайно болезненным его состоянием» (XV, 43) в больничной палате, выказыванием «страху-с» (XV, 45) и предложением о взаимном неразглашении «всего» прокурору и следователю на основе безусловной и ранее достигнутой договоренности с Иваном о том, что «"С умным человеком и поговорить любопытно"» (XV, 46). На втором свидании – проявляется уже вполне явственно: ленивым привставанием уже как бы слуги Смердякова с лавки с тем чтобы «соблюсти только лишь самую необходимейшую учтивость, без которой уже нельзя почти обойтись» (XV, 50) и его «решительно злобным, неприветливым и даже надменным» (XV, 50) взглядом на фоне адской атрибутики сильно натопленной печи и страшного количества копошащихся под обоями тараканов-прусаков, издающих «неумолкаемый шорох» (XV, 50)¹⁰. Смердяков на этот раз уже совершенно здоров, и «оправился он от болезни вполне» (XV, 50). Даже после удара в плечо, полученного от разъяренного Ивана, «тихого слезного плача» (XV, 51), перенесенной обиды, очередной лжи, что не он убил, и

очередного упоминания о сотрясении в «страхе» (XV, 51) Смердяков никак не желает отойти от своего «настойчивого наглого тона» (XV, 52). Бросая Ивану неопровержимые обвинения, он переходит уже к «самодовольно-доктринерскому тону»¹¹ (XV, 53) – тону, с которым «спорил некогда с Григорием Васильевичем о вере и дразнил его» (XV, 53), таким способом нравственно уравнивая Ивана со слугой. На третьем свидании пребывающий в «"бытии в смерти"» Смердяков «очень изменился в лице, очень похудел и пожелтел», его «глаза впали, нижние веки посинели» (XV, 58) – все свидетельствует о крахе, к которому привело его человекобожество. Атрибутикой ада, как и на втором свидании, по-прежнему выступает жарко натопленная печь, а перемены в комнате – «большой старый кожаный диван под красное дерево» (XV, 58) и постланная на нем постель «с довольно чистыми белыми подушками» (XV, 58) – напоминают гроб, с ним же ассоциируется и теснота в комнате.

В последний раз бывший лакей объявляет молодому барину, на которого уповал еще столь недавно, «как на Господа Бога-с» (XV, 44), что был его слугой: «...я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным» (XV, 59). Заявляя свое безграничное и гордое своеволие, с насмешкой говорит он Ивану о его неспособности не только «показывать на себя» (XV, 68) в суде, но даже убить своего собственного лакея; из них двоих на убийство и на самоубийство, наперекор Провидению, оказывается способным в своем безграничном и гордом человекобожестве лишь сам бывший Иванов слуга.

---

¹ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.

² Эта история даже в неизменно преданном своему хозяину слуге Григории «окончательно» укрепила «одно неприятное и омерзительное прежнее подозрение» (XIV, 90) о том, кто является истинным виновником рождения в их бане младенца.

³ См. черновые наброски к роману (XV, 212–215).

⁴ Песня про «корону», несмотря на «лакейский тенор и выверт песни лакейский» (XIV, 204) и призыв к Богу о милости «Господи поми-и-луй» (XIV, 203, 204), отражает, на наш взгляд, смердяковское притязание на человекобожество. О трактовке песни про корону см.: *Михнюкевич В. А.* Литературные и фольклорные источники «романса» Смердякова // Достоевский. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. – СПб, 2007. – Т. 18. – С. 170–179.

⁵ Именно такого противоречия, как известно, не было у героя «Записок из подполья».

⁶ Неизбывная ассоциация Смердякова с чертом убедительно показана в работах многих исследователей (см., например: *Галаган Г. Я.* «Царство» раздора и слуга Павел Смердяков // Достоевский. Материалы и исследования / Отв. ред. Н. Ф. Буданова, И. Д. Якубович. СПб, 2001. – Т. 16. – С. 175–187; *Голосовкер Я. Э.* Достоевский и Кант. Размышление читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума» / Я. Э. Голосовкер // Избранное. Логика мифа. – М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – С. 311–386; *Щенников Г. К.* Иван Карамазов – русский Фауст / Г. К. Щенников // Достоевский в конце XX века: Сб. статей / Сост. К. А. Степанян. – М.: Классика плюс, 1996. – С. 298–329). Примечательно, что Смердяков совершает самоубийство именно во время посещения чертом Ивана в его кошмаре (см.: *Бэлнеп Р.* Генезис романа «Братья Карамазовы». Эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста / Р. Бэлнеп / Пер. с англ. Л. Высоцкого. – СПб.: Академический проспект, 2003, с. 182.).

⁷ *Архипова А. В.* Достоевский и эстетика безобразного // Достоевский. Материалы и исследования / Глав. ред. Г. М. Фридендер. – СПб, 1996. – Т. 12, с. 62.

⁸ *Евлампиев И. И.* Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым») / И. И. Евлампиев. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012, с. 466.

⁹ *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество / К. В. Мочульский. – Париж: YMCA-PRESS, 1980, с. 514–515.

¹⁰ Г. Сырица в ряду мифологем (доминант – опорных слов, отражающих мифологические черты) в описании черта, нашедших отражение в славянской мифологии и заданных авторским видением образа, указывает следующие мифологемы, соотносимые, на наш взгляд, с характером Смердякова: «*франт; носит щегольскую одежду; <...> иностранец; одет не по-русски; <...> шикаватый; <...> связан с пестрым* (пестрый халат Смердякова. – Ю. Р.); *хохлик* (взбитый "хохолок" Смердякова (XV, 50) – Ю. Р.); *связан с золотом, кладом* (украденные деньги прятал в дупле. – Ю. Р.) <...>; <...> *связан с <...> насекомыми* (*пауком, вошью, тараканом, клопом, мухами*); *связан с дверью* (Федор Павлович отворил Смердякову дверь, когда он пришел его убивать. – Ю. Р.); *живет в бане; находится в углу; <...> смердит; <...> щеголь – шут, лакей; изящный – грязноватый* ("затасканный и порядочно истрепанный халат" (XV, 50) Смердякова – Ю. Р.); <...> *говорит по-французски <...>; собирается в Америку (Швейцарию)* (Смердяков учит французские вокабулы и собирается уехать в Европу – Ю. Р.); <...> *одинокий (вдовец, холостяк); <...> сопливый, с насморком* ("засморканный" (XV, 51) носовой платок Смердякова – Ю. Р.); <...> *подмигивает, щурит глаза; <...> сидит на диване*» (курсив – Г. Сырицы – Ю. Р.) (*Сырица Г. С.* Поэтика портрета в романах Ф. М. Достоевского: Монография / Г. С. Сырица. – М.: Гнозис, 2007, с. 406).

¹¹ В черновых набросках к роману указано: «доктринер и мыслитель Смердяков» (XV, 324).